

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА ЗАКОНА КАК ПРОБЛЕМА ЕГО ПОНИМАНИЯ

О.И. Шарафутдинова¹, В.И. Поповская²

¹ Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть правовой текст – в самом широком смысле как совокупность всех норм, установленных и охраняемых государством – как гипертекст, особенности организации и восприятия которого в первую очередь осложняют понимание конкретной, единичной нормы права. Одной из ключевых проблем в процессе интерпретации юридического текста авторы считают неочевидность гиперссылок, содержащихся в тексте законов. Только охватив своим сознанием всю совокупность правовой информации, имплицитно заложенной в каждом конкретном тексте, рядовой гражданин – читатель законов – сможет понять ту или иную норму права. Таким образом, именно гипертекстовое мышление, обычно рассматриваемое теоретиками права как нечто, недоступное обыденному сознанию, является необходимым условием для понимания и применения правовой нормы.

Ключевые слова: правовой текст, текст закона, гипертекст, юридический язык.

Проблема понимания правового текста в настоящее время активно разрабатывается в научной литературе. Традиционно она рассматривается с двух сторон: с точки зрения языка и права. Лингвисты и правоведы исходят из разных презумпций: для первых текст закона, как и любой другой текст, представляет собой обычное речевое произведение, которое в силу своей природы допускает большое число интерпретаций [6]; вторые не исключают данного положения, однако считают, что в процессе интерпретации собственно правового текста главной задачей является постижение «духа», а не «буквы» закона, то есть выяснение воли законодателя [10]. Таким образом, проблему понимания текста закона рядовыми носителями языка большинство теоретиков права сводят к необходимости обращения за профессиональной юридической помощью, отмечая, что именно юридическое образование дает человеку возможность понимать и применять право [9] и что только юристы обладают тем типом мышления, которое способно постичь смысл правового текста.

Смещение лингвистических исследований в сторону антропоцентризма обуславливает появление работ, рассматривающих проблему интерпретации юридического текста с позиции реципиента [3, 4].

При этом и юристы, и лингвисты сходятся в том, что связывают проблему понимания правового текста со сложностью и противоречивостью феномена юридического языка. Среди языковых причин, наиболее осложняющих восприятие текста закона, обычно выделяют следующие:

1) сложный синтаксис, благодаря которому соблюдается требование точности и исключения возможности инотолкования: «использование необычно длинных предложений с придаточными

уступительными и условия; отсутствие местоимений, выполняющих анафорическую функцию внутри и между предложениями и в связи с этим многократные повторы лексических единиц и целых фраз; большое количество пассивных конструкций, обстоятельственных членов предложений; необычайно разветвленные номинативные словосочетания преимущественно с определениями в постпозиции; многочисленные отрицания» [2, с. 76];

2) обилие юридических терминов, которые «являются опорными точками в процессе познания правовых явлений» [3, с. 36]. В настоящее время именно вопрос терминологии в правовых текстах наиболее полно разработан в юридической герменевтике. Особую сложность в данном случае представляют термины, омонимичные словам естественного языка: семья, ребенок, брак и т. д. По мнению Р.А. Ромашова, совпадение юридического термина с общепринятым словом «лишь усугубляет трудность практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [11, с. 55].

Сведение трудностей интерпретации правового текста к непониманию отдельных лексических единиц и невозможности декодирования смысла предложения в целом, на наш взгляд, несколько упрощает не только процесс постижения смысла закона, но и сам феномен права как экстралингвистической категории. В данной работе мы предпринимаем попытку рассмотреть правовой текст – в самом широком смысле как совокупность всех норм, установленных и охраняемых государством – как гипертекст, особенности организации и восприятия которого в первую очередь осложняют понимание конкретной, единичной нормы права. Как справедливо отмечает Н.Д. Голев,

«лингвисты хорошо знают, что общий смысл текста как целостной системы неизбежно влияет на каждый его элемент, что общий смысл любого текста (в частности, его интенция, в юридическом тексте – идея и воля законодателя) не выводится из суммы смыслов его частей и что сам текст входит в более общий контекст и в более общие внешние по отношению к нему системы. Это означает, что в любой системе у элементов формируются специфические значимости, формируемые внутренними отношениями всех элементов» [5, с. 46].

Система создания текста законов представляется нам следующим образом: существует экстралингвистическая сфера правовой действительности, некий правовой субстрат, включающий в себя весь спектр возможных правовых событий, который человечество *пытается* описать в системе правовых текстов. Этот субстрат существует объективно и независимо и составляет событийную часть правового текста, то есть именно то, что мы считаем фактом, лежащим в основе правоотношений: «кража», «убийство», «вступление в брак», «развод», «покупка чего-либо», «устройство на работу» и т. д. Всё, что является результатом этих событий, т. е. правовые последствия, ограничивается рамками языка, а точнее, границами изложенного в каждом конкретном тексте закона.

Законодатель изучает правовую реальность, определенным образом её структурирует, разрабатывает частные правовые нормы (устанавливает причинно-следственные связи) и только потом придает им текстовую форму. Таким образом, автор, устанавливая правовую норму, движется по пути от целого к частному: от постижения правового субстрата, содержащего в себе все возможные правовые события, до текстов конкретных статей, отражающих отдельное явление правовой жизни.

Рядовой гражданин изначально ограничен рамками текста. Для него правовая реальность – события, нашедшие отражение в законах государства, в котором он существует. Обращаясь к тексту закона, он находит статью, наиболее полно описывающую его ситуацию, а затем перемещается (или, по крайней мере, должен перемещаться) по ссылкам, содержащимся в ней, охватывая таким образом все большую часть правового текста и создавая при этом свой индивидуальный текст. При этом отметим, что зачастую читателю приходится выходить за рамки конкретного закона, кодекса или иного интересующего его документа и работать с огромным количеством юридических текстов различного характера, включая поправки и комментарии.

Таким образом, право гипертекстуально по своей природе. В данной работе, вслед за Е.В. Зыковой, мы рассматриваем гипертекст как «форму представления информации, при которой кодирование и раскодирование смысла выходит за пределы содержания отдельно взятой информационной единицы, оказывается зависимым от нели-

нейных парадигматических и синтагматических отношений, устанавливаемых как автором, так и читателем» [8].

Исходя из всего вышесказанного, проблема понимания правового текста должна рассматриваться со следующих сторон:

1) с точки зрения автора, для которого текст – сжатая форма правовой реальности;

2) с позиции реципиента и его возможностей декодирования юридического текста и авторских интенций;

3) учитывая роль гипертекста в процессе понимания правовой нормы.

В качестве примера рассмотрим 1150-ю статью Гражданского кодекса РФ, которая является одной из наиболее сложных для понимания рядовыми носителями языка, что отмечается в исследовании, проведенном В.В. Шашек и Н.А. Харченко [12].

ГК РФ Статья 1150. Права супруга при наследовании

Принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьей 256 настоящего Кодекса, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом.

Иное может быть предусмотрено совместным завещанием супругов или наследственным договором.

В эксперименте В.В. Шашек и Н.А. Харченко испытуемым предлагалось ответить на вопрос: «В чем смысл данной статьи?» В результате ими были получены совершенно разные, иногда противоположные друг другу интерпретации текста, среди которых встречались такие: «Все понятно. Суть: при смерти одного из супругов все имущество переходит к другому супругу» [12]. Данный реципиент истолковал статью совершенно неверно, при этом в его сознании закрепилось четкое представление о том, что эта правовая норма понята им безошибочно, следовательно, она стала частью его правовой картины мира.

Как отмечалось нами ранее, для рядового гражданина правовая реальность складывается из норм, описанных в государственных законах, а точнее, из смысла, который он смог вычленил путем прочтения текста. В таком случае полная уверенность реципиента в правильном понимании нормы закона является даже опасной, так как у него не возникает потребности в изучении сопутствующих статей, обращении к комментариям, в конечном счете искажается правовая картина мира.

Итак, поскольку в вышеприведенной статье наиболее сложным для восприятия является пер-

вое предложение, которое при этом несет наибольшую смысловую нагрузку, рассмотрим его более подробно.

1. С точки зрения автора.

Каждая статья кодекса или любого другого закона должна вписываться в систему действующих нормативно-правовых актов, поэтому часто в тексте можно увидеть отсылки к другим статьям, законам, нормам и т. д.

а) «... в силу завещания или закона право наследования...»

Данный фрагмент статьи содержит ссылки на группу текстов, раскрывающих понятие и принципы наследования по закону и наследования по завещанию. В частности – статье 1111 ГК РФ:

«Наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону.»

Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных настоящим Кодексом»; по статье 1118, фиксирующей основные положения наследования по завещанию; ст. 1141, постулирующей очередность наследования по закону и отмечающей, что «...Наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления»; группе статей, называющих лиц, относящихся к наследникам каждой очереди.

Таким образом, данный фрагмент статьи несет в себе имплицитно выраженную информацию о том, что супруг является наследником первой очереди, однако наследники одной очереди наследуют в равных долях, значит, имущество может быть поделено поровну между супругом, родителями умершего и его детьми. Это справедливо в том случае, если не имело место завещание, так как при его наличии порядок и очередность наследования определяются исходя из завещательного распоряжения;

б) «...имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью»

Фраза фактически является калькой ч. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ: «*Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью*». Однако текст рассматриваемой нами статьи требовал изменения падежной формы высказывания, в результате чего воспринимать его стало сложнее;

в) «...**права на часть** имущества, нажитого...»

Фрагмент отсылает нас к ст. 39 СК РФ: «*При разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами*». В некоторых случаях доли в имуществе могут быть неравными, однако каждый супруг имеет право получить какую-либо его часть.

Почему в данном случае встает вопрос о вы-

делении части имущества, нажитого во время брака? Потому что, согласно ст. 17 СК РФ, в случае смерти одного из супругов брак прекращает существовать. Следовательно, сначала должна определяться доля умершего супруга в общем имуществе, которая впоследствии и будет входить в состав наследства.

Кроме прочего, фрагмент отсылает нас к текстам, содержащим информацию об общем имуществе супругов (гл. 7 СК РФ «Законный режим имущества супругов», при особых условиях – гл. 8 СК РФ «Договорный режим имущества супругов», гл. 9 СК РФ «Ответственность супругов по обязательствам», многим статьям раздела IV «Права и обязанности родителей и детей»);

г) *право наследования не умаляет права на часть имущества.* Смысловый центр статьи, та «новая» информация, которая вносится данным текстом. Устанавливает отношения между двумя возможными формами получения имущества.

Таким образом, текст ст. 1150 ГК РФ представляет собой совокупность ссылок на другие статьи и нормативно-правовые акты, являющиеся, по большому счету, основанием для существования этого конкретного текста. В этой связи нельзя не вспомнить знаменитое высказывание Р. Барта: «... и вместе с тем оно [прочтение Текста] сплошь соткано из цитат, отсылок, отзвуков <...> Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влиний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [1, с. 418]. С той лишь разницей, что в случае с правовыми текстами все цитаты и отсылки в обязательном порядке имеют конкретное происхождение, могут быть прочитаны и точно соотнесены с конкретной нормой закона, а поиски «источников» и «влиний» являются главными составляющими в процессе постижения интенций автора юридического текста. В противном случае они не существуют для правового поля.

Однако именно неочевидность этих отсылок часто препятствует пониманию правовой нормы. Другими словами, у рядового носителя языка нет инструмента, позволяющего «распознать» те фрагменты текста, которые заключают в себе ссылку на сопутствующую правовую норму, а значит, в данном случае нельзя говорить о понимании им нормы закона в полном объеме.

2. Далее рассмотрим восприятие первого предложения 1150 статьи ГК РФ с точки зрения реципиента.

Е.В. Грудева и И.В. Эпанаев отмечают: «У гипертекста отсутствует однозначно выделяемый смысловый центр. Содержательная доминанта избирается читателем, центр фокусировки той или

иной проблемы может становиться отправной точкой для решения новой задачи» [7, с. 73]. Это высказывание совершенно справедливо для правового текста: в попытке найти ответ на возникший вопрос гражданин обращается к какому-либо конкретному фрагменту нормативно-правового акта (разделу, статье), а затем начинает движение по содержащимся в нем гиперссылкам в том случае, если он способен их распознать. При этом не увидеть отсылку реципиент может и тогда, когда содержание фрагмента статьи не может быть им декодировано в связи со сложностью языковых конструкций.

В анализируемой нами статье среди языковых факторов, осложняющих восприятие текста, можно выделить следующие:

а) наличие в рамках одного предложения трех причастных оборотов (и это учитывая, что юридическая техника предписывает вообще избегать подобных конструкций). Кроме того, эти обороты значительно распространены, и первый из них стоит в начале предложения перед определяемым словом, что значительно затрудняет восприятие текста, так как перед читателем предстает определение (характеристика) явления, которое ему неизвестно;

б) тавтология. Несмотря на то, что в рамках официально-делового стиля и в частности юридического языка тавтология является допустимым явлением и в некоторых работах отмечается её положительное значение, так как таким образом обеспечивается требование точности юридического языка, во многих случаях тавтология играет отрицательную роль и затрудняет понимание текста. Примером этому может служить фрагмент рассматриваемой нами статьи, где читаем следующее: «...право наследования не умаляет его права на часть имущества...»;

в) отметим также, что, несмотря на отсутствие в статье сложных терминов, большая часть интуитивно понятных слов, таких как «наследодатель», «завещание», «брак», «наследство» и др., являются в действительности не просто юридическими понятиями, омонимичными словам естественного языка, но в то же время заключают в себе как раз те неочевидные ссылки на группы правовых текстов, фиксирующих отдельные составляющие данных явлений. Другими словами, способность реципиента распознать данные ссылки и изучить соответствующие тексты способствовала бы разделению термина и слова естественного языка и, как следствие, более глубокому пониманию правовой нормы.

Таким образом, именно проблему неочевидности гиперссылок мы в настоящий момент считаем одной из ключевых в процессе интерпретации юридического текста, так как ясное или безошибочно декодированное с точки зрения языка предложение будет оставаться непонятым до тех пор, пока реципиент не охватит своим сознанием

всю совокупность правовой информации, имплицитно заложенной в конкретном тексте. Именно гипертекстуальность юридического мышления рассматривается теоретиками права как нечто, недоступное обыденному сознанию, однако человеческое мышление по своей природе нелинейно, а значит, постичь правовую норму возможно, только для этого нужно изменить исходные установки.

Литература

1. Барт, Р. От произведения к тексту // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Бондаренко, И.В. Лингвистический консерватизм юридического языка / И.В. Бондаренко // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология.* – 2006. – № 2. – С. 75–80.
3. Воробьева, М.Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) / М.Е. Воробьева // *Вестн. Том. гос. ун-та.* – 2014. – № 383. – С. 35–41.
4. Голев, Н.Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н.Д. Голев // *Юрислингвистика.* – 2007. – № 8. – С. 92–104.
5. Голев, Н.Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка / Н.Д. Голев // *Юрислингвистика.* – 2004. – № 5. – С. 39–57.
6. Голев, Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Н.Д. Голев // *Сибирский филологический журнал.* – 2015. – № 4. – С. 138–148.
7. Грудева, Е.В. Гипертекст и его восприятие (на материале альбомного издания «Лихие девяностые») / Е.В. Грудева, И.В. Эпанаев // *Гуманитарно-педагогические исследования.* – 2019. – № 1. – С. 71–78.
8. Зыкова, Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) [Электронный ресурс] / Е.В. Зыкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 19 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/organizatsiya-giperteksta-v-seti-internet> (дата обращения: 15.01.2020).
9. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг; перевод с нем. Ф.С. Шендорфа. – С. Петербург, 1905. – 105 с.
10. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 520 с.
11. Ромашов, Р.А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р.А. Ромашов // *Юрислингвистика.* – 2010. – №10. – С. 52–57.
12. Шашек, В.В. Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций

текстов законов (на материале статей Гражданского кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс] / В.В. Шашек, Н.А. Харченко // Молодой

ученый. – 2016. – № 7. – С. 1191–1196. – URL: <https://moluch.ru/archive/111/27876/> (дата обращения: 12.01.2020).

Шарафутдинова Олеся Ильясовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), sharafutdinovaoi@susu.ru.

Поповская Вера Игоревна, магистрант историко-филологического факультета, ассистент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет (Челябинск), pshen555@mail.ru

Поступила в редакцию 13 февраля 2020 г.

DOI: 10.14529/ling200205

HYPertextUALITY OF LEGAL TEXT AS A COMPREHENSION PROBLEM

O.I. Sharafutdinova¹, sharafutdinovaoi@susu.ru

V.I. Popovskaya², pshen555@mail.ru

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article attempts to consider a legal text in the broadest sense as a set of all the rules established and protected by the state, as hypertext, the organizational and perceptual features of which primarily complicate the comprehension of a specific, single rule of law. The authors believe that one of the key problems when interpreting a legal text is unobvious hyperlinks contained in the text of laws. Only keeping in mind the entire body of legal information implicitly embedded in every specific text, an ordinary citizen – a reader of laws – will be able to understand one or another rule of law. Thus, it is hypertextual thinking, usually considered by legal theorists as something inaccessible to ordinary consciousness, that is a necessary condition for understanding and enforcing a rule of law.

Keywords: legal text, legal language, hypertext.

References

1. Bart R. *Ot Proizvedeniya k Tekstu* [From Work to Text]. Bart R. *Izbrannye Raboty: Semiotika: Poetika: Pervod s Francuzskogo/ Sostavitel', Obshchij Redaktor i Vstuplenie st. G.K. Kosikova*. Moscow, Progress, 1989, pp. 413–423.
2. Bondarenko I.V. *Lingvisticheskij Konservatizm Yuridicheskogo Yazyka* [Linguistic Conservatism of the Legal Language]. *Vestnik Baltijskogo Federal'nogo Universiteta Im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, Pedagogika, Psihologiya*, 2006, no. 2, pp. 75–80.
3. Vorob'eva M.E. *Oppozitsiya Oficial'nogo i Obydenного Tolkovaniya Prava (Lingvokognitivnyj Aspekt)* [Opposition of Official and Ordinary Interpretations of the Law (Cognitive Aspect)]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2014, no. 383, pp. 35–41.
4. Golev N.D. *Lingvisticheskie Tupiki Yuridicheskoy Tekhniki* [Linguistic Dead Ends of Legal Technology]. *Yurilingvistika*, 2007, no. 8, pp. 92–104.
5. Golev N.D. *O Specifike Yazyka Prava v Sostave Obshchenarodnogo Russkogo Yazyka* [On the Specifics of the Language of Law as Part of the Nationwide Russian Language]. *Yurilingvistika*, 2004, no. 5, pp. 39–57.
6. Golev N.D. *Yuridicheskaya Terminologiya v Kontekste Doktrinal'nogo Tolkovaniya* [Juridical Terminology in the Context of Doctrinal Interpretation]. *Sibirskij Filologicheskij Zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 138–148.
7. Grudeva E.V. *Gipertekst i Ego Vospriyatie (na Materiale Al'bomnogo Izdaniya "Lihie Devyanostye")* [Hypertext and Its Perception (Based on "Likhie Nineties")]. *Gumanitarno-pedagogicheskie Issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 71–78.
8. Zykova E.V. *Organizatsiya Giperteksta v Seti Internet (na Materiale Angloyazychnyh Sajtov)*. *Avtoreferat Dis . kand. filol. nauk* [Organization of Hypertext on the Internet (on the Material of English-language Sites). Abstract of cand. diss.]. St. Petersburg. 2006. Available at: <http://cheloveknauka.com/organizatsiya-giperteksta-v-seti-internet> (accessed: 15.01.2020).

9. Iering R. *Yuridicheskaya Tekhnika. Perevod s Nemeckogo F.S. Shendorfa* [Legal Technique]. St. Petersburg, 1905, 105 p.

10. Korkunov N.M. *Lekcii po Obshchej Teorii Prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow, Rossijskaya Politicheskaya Enciklopediya (ROSSPEN), 2010, 520 p.

11. Romashov R.A. Interpretaciya Prava: lingvisticheskij i Tekhniko-Yuridicheskij Aspekty [Interpretation of Law: Linguistic and Technical-legal Aspects]. *Yurilingvistika*, 2010, no. 10, pp. 52–57.

12. Shashek V.V. Problema Yasnosti Yazyka Zakonodatel'stva i Mnozhestvennosti Interpretacij Tekstov Zakonov (na Materiale Statej Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii) [The Problem of the Clarity of the Language of Legislation and the Plurality of Interpretations of Texts of Laws (Based on Articles of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Molodoj Uchenyj*. 2016, no. 7, pp. 1191–1196. Available at: <https://moluch.ru/archive/111/27876/> (accessed: 12.01.2020).

Olesya I. Sharafutdinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as Foreign language, South Ural State University (Chelyabinsk), sharafutdinovaoi@susu.ru

Vera I. Popovskaya, undergraduate student of the Faculty of History and Philology, assistant of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), pshen555@mail.ru

Received 13 February 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Шарафутдинова, О.И. Гипертекстуальность текста закона как проблема его понимания / О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 24–29. DOI: 10.14529/ling200205

FOR CITATION

Sharafutdinova O.I., Popovskaya V.I. Hypertextuality of Legal Text as a Comprehension Problem. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020, vol. 17, no. 2, pp. 24–29. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling200205
